

ВОЕННАЯ ПРОЗА АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА (ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД РЕЦЕПТИВНЫМИ ИНТЕНЦИЯМИ)

О. Ю. Алейников

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 27 апреля 2018 г.

Аннотация: целью статьи является изучение специфики реализации рецептивных интенций в произведениях А. Платонова о Великой Отечественной войне. В работе выявляются различные интертекстуальные связи и параллели. Уточняется «рецептивный ресурс» (В. Тюпа) прозы писателя. Исследуется отношение различных субъектов речи к газетно-публицистическому дискурсу, особенности восприятия письменного слова персонажами и повествователем.

Ключевые слова: проза А. Платонова о войне, художественный текст, рецептивные интенции, повествовательные структуры.

Abstract: the purpose of the article is to study the specifics of the implementation of receptive intentions in the works of A. Platonov during the great Patriotic war. Various intertextual connections and Parallels are revealed in the work. Clarifies «receptive resource» (V. Tyupa) prose writer. The relation of various subjects of speech to newspaper and journalistic discourse, the specificity of the perception of the written word by characters and narrator is investigated.

Keywords: A. Platonov's prose about war, literary text, receptive intentions, narrative structures.

«Недоверие» А. Платонова-прозаика к сугубо «письменному», оторванному от жизненных реалий печатному слову, искажавшему подлинный смысл социальных процессов и событий [5, 47], не раз отмечалось исследователями [10]. Произведения, созданные писателем в период Великой Отечественной войны, при рассмотрении указанной проблематики изучаются достаточно редко и — в ряде случаев — получают весьма обескураживающие оценки. Так, полагая, что «образ войны» в платоновской прозе «составлялся» «умозрительно», «из компонентов, давно вошедших в батальный канон», один из литературных критиков посчитал, что «время, особенно 30-е годы <...> страшно сузило систему философско-исторических ориентаций, в какой-то мере «утомило» Платонова». «Он, нашедший в лучших предвоенных рассказах <...> путь к личности, выход из омертвляющего стандарта, из-под пресса застылых стереотипов, вдруг вновь как бы потерял этот путь» [18; 432, 428].

Между тем именно в годы войны А. Платонов не раз возвращался к мыслям о роли и назначении писателя в России. Напомню его слова о стремлении «ни в чем» и «никогда» не изменять «позиций», неосторожно произнесенные весной 1945 года в присутствии тайного осведомителя НКВД: «Всю войну я провел на фронте, в землянках. Я увидел теперь со-

всем по-другому свой народ. Русский народ, много-страдальный, такой, который цензура у меня всегда вымарывает, вычеркивает и не дает говорить о русском народе. Сейчас мне трудно. У меня туберкулез второй степени, я харкаю кровью. Живу материально очень плохо, а нас 6 человек, работник я один, все малые и старые. Я устал за войну. Меня уже кроют и будут крыть все, что бы я ни написал <...> Желание работать сейчас огромное. Мне кажется, я так бы и сидел, не отрываясь» [2, 871].

На страницах центральных газет, в журнальных статьях и во внутренних рецензиях ревнители чистоты «социалистического реализма» критиковали А. Платонова за «зыбкость философских позиций» (О. Резник) [9, 508], «нарочитое косноязычие» (В. Бахметьев) [9, 510], «литературные выкрутасы» (Вс. Лебедев) [11], «смирненное, христианское человеколюбие» и склонность к агиографическим обобщениям (А. Гурвич) [9, 518], «язык высоких символов и абстракций» (А. Рашковская) [16, 47].

Несовпадение платоновской позиции с официальными взглядами на войну было очевидно. Показательны осуществляемые писателем лексико-семантические замены в устойчивых словосочетаниях, значимых для газетно-публицистического дискурса советской печати. «Долгая великая война», несущая горе и разрушения, писателем ни разу не названа «священной». Вместо «советской Родины» в плато-

новской прозе говорится о «вечной Родине»; вместо защиты «рубежей советской страны» — о «защите отчего крова, называемого Отчизной» вместо «великого Сталина» — о бойце, «великом сыне Сталина». Прозаик не принимал таких, например, выражений, как «бог войны», «царица полей». Яркой индивидуальностью и строгой стилистической избирательностью, ощутимой для современников, создатель «Одухотворённых людей» отличался от многих участников литературного процесса, не избегавших фразеологии, растиражированной средствами массовой информации. Ср.: «Пошла царица полей в атаку. Сейчас бог войны будет ей подпевать. И со всех сторон ударили пушки различных калибров» (В. Катаев).

Весьма показательны рецептивные интенции А. Платонова, связанные с восприятием так называемого «военного языка», интенсивно проникавшего в литературу и повседневную речь его современников. Обращаясь к очеркам и рассказам писателя, созданным в «разные дни войны», приведу лишь несколько примеров. «Против врага начала работать наша знаменитая артиллерия. Раньше говорили, что, дескать, наша артиллерия накрывает неприятеля. Это неточное представление, — уточняет повествователь наполненность реальным жизненным смыслом «красиво звучащего» выражения. — Не накрывает, а уничтожает его вовсе. Поэтому, как выяснилось позже, многие «опытные» немцы, только заслышав голос нашей артиллерии, покинули траншеи и побежали» [3, 299—300] («Прорыв на Запад»). В очерке «Гроза под Орлом» обратим внимание на следующее описание: «Мы находимся на опушке леса. Далее простирается обнажённое степное пространство, сложенное, как почти вся средняя Россия, из увалов, похожих на замедленные, остановившиеся волны земли. На военном языке вершины этих увалов называются высотками. От века безыменные, они получили теперь номера, а иногда и образное имя. Например, одна высота имела таинственное название «Расторопные капли». Оказывается, её защищали пьяные немцы, напившись «расторопных капель», но окрестил высоту, конечно, трезвый русский солдат» [1, 270].

В платоновском тексте очевиден зазор между автоматизированным «военным языком» и языком повествования, восстанавливающим в правах неофициальную «точку зрения», в том числе «этимологии», характерные для демократической среды «преломления авторского голоса» (М. Бахтин).

Именно эта среда значима для деавтоматизации речи, застигнутой экспансией письменного слова. «Душа не в букве» [3, 358] («Афродита»), — убеждены насмешливые и пронизательные герои писателя. «Прочитав в газете, что война есть исступление», один из героев Платонова вспоминает о недавнем бое и смеётся «над ошибочностью этой мысли. Он знал, что война, как и мир, одухотворяется счастьем

и в ней есть радость, и он сам испытывал радость войны, счастье уничтожения зла, и еще испытает их, и ради того он живет на войне и другие люди живут» [3, С. 281] («Офицер и солдат»).

В рассказе «Челюсть дракона», опубликованном в 1945 году под названием «Один бой», весьма критично рассматривается выражение «оперативный простор», растиражированное в печати и сводках Совинформбюро. Платоновский повествователь не согласен с легковесной практикой использования словосочетания, искажавшего смысл происходивших событий: с «оперативным простором» в сознании читателей ассоциировалось открытое пространство для стремительного движения войск по освобождаемой территории. В рассказе выясняется, что именно означает это выражение в условиях настоящей, а не сочинённой «молодцеватой» войны: «Теперь бой и маневр совершаются на местности плотной обороны противника, и так называемый «оперативный простор» требует такой же неослабной энергии от наступающих, как и прорыв передней полосы укреплений, потому что «простор» является лишь тесниной следующей очереди укреплений в глубине прорванной обороны» [5, 317].

Штампам и речевым оборотам, перенятым из армейских реляций и официальных сводок, А. Платонов противопоставляет «думы» о слове, основанные на многовековом духовном и культурном наследии. В рассказе «Одухотворённые люди» книга названа в одном ряду с тем, что заменяет фронтовое братство: «отца и мать, сестёр и братьев, подругу сердца и любимую книгу...» [3, С. 86]. Читательский опыт в рассказе «Офицер и солдат» (герою вспоминаются долгие «вечера при лампе за чтением книги...» [3, 280]) подсказывает боевому офицеру-артиллеристу, что впереди солдат ждет «дыхание «земли полуденной», за которой «открывалось великое влекущее пространство южного мира» [3, 280], но никак не «оперативный простор».

Выражение «земля полуденная» могло быть известно читателям по стихотворению А. Пушкина «Погасло дневное светило» и Библии (как подсчитано, в тексте Священного Писания «земля полуденная» упоминается не менее двенадцати раз). Отсылка к творчеству Пушкина, бывшего для А. Платонова олицетворением идеи «сбережения» [12, 166] «рядового народа», здесь особенно значима. Рецептивные проекции, соединяющие пушкинское стихотворение, созданное поэтом под впечатлением от поездки в Крым, с библейским текстом, мотивируются географически (место действия рассказа происходит вблизи Азовского моря) и метафизически (крымский берег в мае 1942 года стал последним рубежом для десятков тысяч погибших здесь советских солдат).

«Рецептивный ресурс» (В. И. Тюпа) военной прозы писателя включает древнерусские тексты [4, 38—45]. Как известно, выражение «лечь костью» в «Повести

временных лет» приписывается князю Святославу. Согласно летописи, князь обратился с этими словами к своим дружинникам перед сражением с греками. Современный перевод: ««Нам некуда уже деться, хотим мы или не хотим — должны сражаться. Так не посрамят земли Русской, но ляжем здесь костями, ибо мертвые не принимают позора. Если же победим — позор нам будет» [17, 62]. Летописное свидетельство откликается в краткой речи политука Фильченко, героя рассказа «Одухотворённые люди». Перед решающей битвой он говорит морякам, оборонявшимся подступы к Севастополю: «Товарищи! Я хочу сказать вам, что нам будет трудно. Я хочу сказать, что мы отойти не можем, мы будем биться здесь до самых своих костей...» [3, 101—102]. В реплике одного из бойцов это выражение «осовременивается», вызывая иносказательные проекции: «И костями можно биться... Рванул из скелета и бей. Комиссар товарищ Поликарпов хотел же биться своей оторванной рукой!...» [3, 102]. Обобщенный образ единой судьбы живых и мертвых в данном случае дополняется аллюзией на нехватку средств для обороны «города русской славы»: немецким танкам противостоят обвешанные гранатами люди...

А. Платонов считал, что война — это проявление «всемирного «зла» [3, 35], оставляющего после себя «пораненную» [3, С. 98] землю», «обгорелые леса», «посев трупов» [3, 314] и разрушенные дома. Но мудрые и наивные герои военной прозы писателя «убеждаются», что как ни могущественно «всемирное» зло, «вся вселенная» ему не подвластна. В «Рассказе о мёртвом старике» дед Тишка радуется, что высоко «шли звёзды по небу <...> будь они поближе, в них бы немцы из пушек стреляли и потушили бы их, либо туда бы взобрались и затеяли там беду; нет, пусть уж они светят далеко и отдельно, чтоб их никто не достал!» [3, 67]. Повествователь, посвященный в круг авторских представлений, посвоему подчёркивает ограниченность мирового зла во времени и пространстве, говоря, что «материальной летописью войны» может быть «фронтальная дорога, которая служит направлением для сражений. Правда, эта летопись недолговечна, но кто сумеет прочесть её вовремя и правильно, тот сможет восстановить картину минувших битв и понять смысл текущих событий» [3, 308].

По наблюдению Б. М. Эйхенбаума, актуализация «летописного образа мыслей и стиля» в художественном сознании XIX века происходила «в трудные, грозные для страны и народа годы, когда роль «случая» казалась всесильной, а попытки понять или хотя бы «угадать» ход истории терпели неудачу. <...> в такие моменты литература, не потерявшая связи с народной жизнью и историей, тянется к эпосу и находит его в фольклоре и в летописи» [20, 374].

В военной прозе А. Платонова «летописный образ мысли» помогает не терять надежды на лучшее

будущее. Перифраз из «Повести временных лет» (слова князя Олега, известные по записи «Да будет это мать городам русским») в рассказе «Взыскание погибших» используется в описании захваченного врагом «святого» города и его грядущее «воскрешение»: «...В лунные ночи вдалеке можно было увидеть древние башни святого города Киева, матери всех городов русских. Он стоял на высоком берегу вечно стремящегося, поющего Днепра, — онемевший, с ослепшими глазами, изнемогший в гробовом склепе врага, но чающий, как вся поникшая перед ним земля, воскрешения и жизни в победе, и поднявший свои башни в высоту звёзд, как завет бессмертия народа, в смерти врага ищущего своей силы и исцеления» [3, 217].

«Парадигматические параллели» переводят повествование в многомерное семантическое пространство Слова, насыщенного ассоциативными кодами православной культуры и объединяющего [7, 77] людей, вовлечённых в «гибельные моменты истории». Платоновские герои — моряки-черноморцы, готовясь к последнему бою, как повелось на Руси, «благословили друг друга на самое великое, неизвестное и страшное в жизни — на то, что разрушает и что создаёт её, — на смерть и победу, и страх их оставил» [3, 102]. «...Цибулько подошёл к Фильченко и поцеловал его. И все, каждый с каждым, поцеловали друг друга и посмотрели на вечную память друг другу в лицо» [3, 102] («Одухотворённые люди»). В рассказе «Оборона Семидворья» бойцы готовят к обороне не одни лишь окопы, но и «пещеры», и «подземные крепости» [3, 158], чтобы украсить их «травой, ветвями и ротным культурным инвентарем» [3, 158]. (Обратим внимание на очередность перечисленного: советской пропагандистской атрибутике, а не убранству, традиционному для церковного праздника, в данном ряду отведено последнее место).

Эпитеты, сравнения, метафоры, проецирующие память о древнерусской истории, духовности и литературе на события и реалии Великой Отечественной войны, часто используются А. Платоновым для описания боевых действий в свете памятных для национальной истории событий. «Местом побоища» [3, 314] названы поля недавних сражений в Белоруссии. Полк, вышедший на ударную позицию, «подобен мечу, вдавливающемуся в тело мучителя его народа» [3, 374] («Челюсть дракона»). Причём — в соответствии с эпической народной традицией — «всемогущий меч могут создать и владеть им <...> руки, которые равно способны и одухотворить мир трудом, и сражать тиранов» [3, 368].

В своих рецептивных интенциях писатель учитывает «каноны» древнерусской воинской повести. Характерная для данного жанра этикетная ситуация состоит в обретении воинами, уходящими на битву, «нетленного оружия», многократно превосходящего по силе обычное, а в испытаниях — помощи «живот-

ворящего креста» [18, 94], иконы, или (как это, например, происходит в «Сказании о Мамаевом побоище») монашеской схимы. Герой рассказа «Полотняная рубаха» в годы войны хранит за пазухой старую полуистлевшую материнскую рубаху, которая для него равновелика самым святым понятиям. И, мысля себя русским «богатырём» [3, 414], сокрушает вражеский дзот. Уходя на войну, герой рассказа «Божье дерево», накладывает на тело лист с дерева, которое исстари в его деревне называли «божьим». Как и подобает «нетленному оружию», заветный образ не только защищает от гибели, даёт утешение, напоминает о родине, но и становится источником духовной силы, побеждающей «серый свет неволи» [3, 15].

Символике света, характерной для памятников средневековья, в военных рассказах А. Платонова отведена весьма существенная роль. «Излучение света, вспышка сияния, окружающие людей у Платонова, — признак не столько вещественный, сколько своего рода метафора, обозначающая «эманацию» духовного начала. Этим светом самоотверженного подвижничества озарены прекрасные человеческие лица <...> во всей военной прозе Платонова», — указывает В. М. Акимов [1, 7].

Образный строй разного рода световых явлений в прозе А. Платонова военных лет напоминает об описанных в средневековых памятниках мистических видениях. Вот один из характерных примеров: «С Балтики быстро шли холодные тучи, но поверх туч светила луна, и ее неподвижный магический свет слабо проникал сквозь тучи, еле озаряя землю из невидимого светильника, как бывает в сновидении» [3, 374]. Сигнальные ракеты, составляющие привычную часть фронтовой жизни, названы «глухонемыми демонами». Немецкий самолет в сознании рассказчика ассоциируется с ведьмой, оставляющей в ночном небе огненный след. Вражеские противотанковые надолбы напоминают «железобетонные зубы дракона» [3, 374].

Всякого рода «демонология» в платоновских рассказах о войне, как правило, появляется в связи с противопоставлением мира русской природы, «лада» народной жизни силам, враждебным этому порядку. Эпические традиции в изображении врага усиливаются в рассказах, созданных в последние годы Великой Отечественной войны, когда ожидание кардинальных перемен в жизни народа приобрело чуть ли не повсеместный характер [6].

В рассказе «Штурм лабиринта» события происходят в Германии, на земле которой «противник вел себя <...> как сказочный многоголовый дракон: ему разможили огнем шесть голов, а к утру у него отросло восемь» [3, 389]. Образ дракона появляется в ассоциативном ряду, связанном не только со сказочной семантикой, но и с аллегорическими шифрограммами западноевропейского средневековья. Этот иносказательный образ упоминается в пове-

ствовании о продвижении русских солдат по запутанным ходам вражеского укрепления, названного лабиринтом. В средневековых миниатюрах «в том случае, если лабиринт завершался изображением дракона», он означал «безвыходную запутанность заблуждений и пороков». [8, 28]. Смысл этой аллегорической параллели накладывается на сюжет рассказа. Неприятель, до поры оказывающий упорное сопротивление в подземных укреплениях, в сущности, находится в плену подобных пороков. Но нельзя забывать и о том, что образ лабиринта мог аллегорически означать крестный путь и в этом значении также воспроизводился на средневековых миниатюрах. «В Германском Псалтыре XIII в. в центре лабиринта помещена голова Христа <...> Проползти на коленях по извилинам лабиринта считалось благочестивым делом» [8, 28]. В рассказе, таким образом, возникает известная символизация сюжетных линий: русские солдаты, погибающие в подземном бою, проходят свой крестный путь до конца...

Заключая, отметим, что тексты, деавтоматизирующие стандартные описания, выражения, аттестации и характеристики, платоновские герои воспринимают как источник силы, спасительной для духовного здоровья человека. В военной прозе А. Платонова эти тексты чаще всего получают осмысление с позиций христианской аксиологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Акимов В. «Солдат начинается с думы об Отечестве...» (Военная проза Андрея Платонова) // Платонов А. П. Одухотворённые люди. Рассказы о войне. — М.: Правда, 1986. С. 3—14.
2. Андрей Платонов в документах ОГПУ-НКВД-НКГБ. 1930—1945. Публ. В. Гончарова и В. Нехотина // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный. — М., 2000. — С. 848—884.
3. Андрей Платонов. Смерти нет! Собрание. — М.: Время, 2010. — 624 с.
4. Алейников О. Ю. Древнерусский «субстрат» в прозе А. Платонова о Великой Отечественной войне / О. Ю. Алейников // Человек и война в русском художественном сознании XX века. — Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд-во, 2000. — С. 38—45.
5. Алейников О. Ю. Повествовательные стратегии А. Платонова в «бедняцкой хронике» «Впрок» / О. Ю. Алейников // Андрей Платонов в идеологических и художественных контекстах своего времени. Межвузовский сборник научных трудов. — Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2010. — С. 45—59.
6. Алейников О. Ю. Прошлое и будущее русского народа в рассказах Андрея Платонова о Великой Отечественной войне / О. Ю. Алейников // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. — 2015. — № 3. — С. 54—61.
7. Иванова Л. А. «Война» и «мир» в творчестве А. Платонова военных лет / Л. А. Иванова // Творчество А. Пла-

тонова. Статьи и сообщения. — Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1970. — С. 75—91.

8. Касперавичюс М. М. Функции религиозной и светской символики / М. М. Касперавичюс. — Л.: Знание, 1990. — 32 с.

9. Критические отзывы на книги Платонова 1943, 1945 гг. (Внутренние рецензии издательства «Советский писатель»). Статья и комментарии Е. Антоновой // «Страна философов» Андрея Платонова. Вып. 8. Андрей Платонов и его современники. Исследования и материалы. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — С. 502—533.

10. Лазаренко О. Письменное слово и история в романе «Чевенгур» / О. Лазаренко // «Страна философов» Андрея Платонова. Проблемы творчества. Вып. 4. Юбилейный. — М.: ИМЛИ РАН, Наследие, 2000. — С. 548—555.

11. Лебедев В. Литературные выкрутасы / В. Лебедев // Правда. — 1944. — 27 дек.

12. Никонова Т. А. Платоновский миф о Пушкине (литературно-критические статьи 1930-х годов и пьеса «Ученик Лицея») / Т. А. Никонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 7. — М.,

2011. — С. 161—169.

13. Платонов А. Гроза под Орлом / А. Платонов // Знамя. — 1943. — С. 270—273.

14. Платонов А. В прекрасном и яростном мире. Повести и рассказы / А. Платонов. — М.: Художественная литература, 1965. — 630 с.

15. Платонов А. Одухотворённые люди. Рассказы о войне / А. Платонов. — М.: Правда, 1986. — 432 с.

16. Рашковская А. Андрей Платонов. «В сторону заката солнца» / А. Рашковская // Ленинград — 1946. — № 3/4. — С. 47.

17. Русские летописи XI—XVI веков: Избранное. СПб.: Амфора, 2006. — 438 с.

18. Спиридонова И. А. «Внутри войны» (поэтика военных рассказов Платонова) / И. А. Спиридонова. — Петрозаводск: ПетрГУ, 2005. — 212 с.

19. Чалмаев В. Андрей Платонов (К сокровенному человеку) / В. Чалмаев. — М.: Советский писатель, 1989. — 445 с.

20. Эйхенбаум Б. Черты летописного стиля в литературе XIX века // Эйхенбаум Б. О прозе. — Л., 1969. — 502 с.

*Воронежский государственный университет
Алейников О. Ю., доцент кафедры русской литературы
XX и XXI веков, теории литературы и фольклора
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*

*Voronezh State University
Aleinikov O. U., Associate Professor of the Russian Literature
of XX and XXI Centuries, Theory of Literature and Folklore
Department
E-mail: oaleinikov@yandex.ru*